

Надежда
Первухина

ПРИНЦЕССА
С ДУРНОЙ
РЕПУТАЦИЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Александр Кретов*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Первухина, Надежда.

П26 Принцесса с дурной репутацией : [роман] / Надежда Первухина. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези).

ISBN 978-5-17-105519-6

Меня зовут Люция Веронезе, и я обучаюсь в пансионе при аббатстве, но мечтаю стать капитаном пиратского корабля. Мое происхождение туманно, зато ум ясен, язык остер, а талант несомненен и многогранен.

Жизнь в пансионе скучна и однообразна, но однажды все меняется.

А началось все с появления говорящей крысы. Сижу я в карцере, наказанная за невинную шалость, а вышеуказанная личность предлагает улучшить условия моей жизни. Естественно, я согласилась. Но кто бы мог подумать, что ради комфорта мне придется возиться с капризной титулованной девчонкой, участвовать в ее проделках, упражняться в изящной словесности и — о ужас! — помогать огромному кузнечнику украшать замок к торжеству! Что еще меня ждет?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105519-6

© Н. Первухина, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящаю моим доверенным лицам:
Наталье, Юлии, Екатерине.
Дамы, я в восторге от вас!*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИЛИЧНЫЕ ДЕВУШКИ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ СОНЕТ

*Я против женского образования.
Посмотрите на морковь — у нее никакого образования нет.
А между тем она полезный овощ.
Вот и женщина должна быть полезным овощем.
На худой конец — фруктом.*

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 127

— **Б**арышни, откройте ваши тетради и запишите тему сегодняшнего урока: «Сонет». Со-нет. Госпожа Солано, обратите внимание, следует писать «сонет», а не «санет».

К числу неоспоримых недостатков метрессы Фелиции, нашей преподавательницы поэтического мастерства, относится не слишком изящное низкопоклонство. Если низкопоклонство вообще может быть изящным. Упомянутой Констанции Солано всего пятнадцать (как и мне), у нее лоб, полный прыщей (не как у меня!), но то, что в роду у долговязой Констанции три баронета и одна предполагаемая маркиза крови, дает сопливке Солано право именоваться «госпожой», тогда как я и все остальные — просто «барышни». Поскольку я уязвима в вопросах чести и самоуважения, утешает меня в таких случаях одно — хотя мое происхождение туманно, зато ум остер, талант несомненен и многогранен, а уж если

кто попадется мне на язык, тому лучше сразу просить Исцелителя об избавлении от лютой напасти по имени Люция Веронезе. Как вы уже поняли, это я.

Подобно многочисленным героиням чувствительных историй о добродетельных девицах, я не знаю, кто мои родители. В отличие от героинь благоглупых книжонок, я сомневаюсь, что однажды окажусь в прямых потомках императорской фамилии, у меня найдется богатая родня, собственный особняк, гардеробная, полная кружев и мехов, и прочие прелести роскошной жизни. Сомнительно, что детей чистого происхождения оставляют в ивовой корзинке на пороге трактира с подозрительной репутацией. Корзинку сию пятнадцать лет назад обнаружила хозяйка трактира «Рог и Единорог», когда вышла на порог, дабы выплеснуть помои. Был метельный месяц февруарий, корзинку почти занесло снегом, но, благодаря моему визгливо-сиплому крику, хозяйка ахнула и забыла про помои. Через несколько мгновений меня рассматривало общество трактирных завсегдаев и строило предположения относительно того, как я могла оказаться на пороге заведения, вовсе не предназначенного для младенцев. Кто-то из пьяных мужланов посоветовал трактирщице отнести меня в сиротский приют при аббатстве Святого Сердца, но дебелия баба, как оказалось, имела трепетную душу и, будучи незамужней и бездетной, решила воспитать меня как собственную дочь. Я также подозреваю, что Розалинда Веронезе в глубине души надеялась, что я высокородное дитя, ибо запеленали меня в батистовые и шелковые пеленки превосходного качества и со споротыми монограммами. Она показала мне эти пеленки на мое пятилетие и заявила, что раз родители меня бросили, я должна исполнять все ее приказы, к коим, несомненно, относится повеление застилать кровати постояльцев, мыть посуду, чистить овощи и ходить за водой в ближний колодец. Однако по мере того, как я подрастала, моя приемная мать передумала де-

лать из меня свою преемницу в трактире и решила, что я должна получить приличное образование. Для чего и пригодился пансион при аббатстве Святого Сердца. Вообще-то этот пансион был учрежден для девиц благородного происхождения из ближних поместий, однако девиц таких было раз-два и обчелся, а трактирщица внесла за мое обучение и проживание солидную сумму. Так что с семи лет я тяну лямку пансионерки, обучаясь всякой белиберде вроде кружевоплетения, хороших манер, галантных танцев и вышивки гладью. Если учесть, что я собираюсь сбежать, как только скоплю сумму, достаточную для покупки каперского свидетельства и баркентины, плывущей в какую-нибудь дальнюю страну, то вряд ли мне понадобятся там кружева. Вот то, что я научилась воровать карманные денежки своих богатеньких одноклассниц так, что они об этом даже не подозревают, — это настоящий талант, и я им горжусь. Мало того, на прошлой неделе я сумела незаметно похитить из кармана причетницы, сестры Аделины, ее четки-розарии из редкого сорта аметиста — это еще одно подтверждение того, что мой талант растет и не след тратить его на хорошие манеры и вязание рукавиц для бездомных.

Я знаю, что стану капитаном каперского судна, потому что сумею всему научиться. Я завербуюсь юнгой, а как дальше я стану из юнги капитаном, я еще не придумала. Но главное — я *думаю* об этом, а если о чем-то упорно думаешь, это обязательно осуществится, так нам на уроках прикладной философии говорил отец Эпистемон, и у меня нет причин опровергать это суждение. Когда моя баркентина будет ломиться от награбленного золота и драгоценностей, я с командой навещу аббатство и припомню до мелочи все те пакости, которые здесь пришлось претерпеть. Я очень злопамятна, и мне это безумно нравится.

— Барышня Веронезе, о чем вы думаете?!

Я захлопала глазами. Метресса уловила мое мечтательное состояние и коварно напала из-за угла.

— Что я только что продиктовала, барышня Веронезе? Вы не слушали?

— Я слушала, метресса.

— В таком случае повторите.

И я отчеканиваю, к великому ее изумлению:

— Сонет — это старолитанийская форма стихотворения в четырнадцать строк, возникшая в тринадцатом веке от рождества Исцелителя. Сонет является строгой формой четырнадцатистишия. Первая часть сонета состоит из двух катренов, вторая — из двух терцетов. Размер сонета — пятистопный, реже шестистопный ямб. Канонической формой рифмовки является опоясанная и смежная равнозвучные рифмы для катренов, а для терцетов — две или три рифмы, отличающиеся от рифм в катренах. Для строгого сонета существует правило, по которому при наличии опоясанных рифм...

— Достаточно, — оборвала меня метресса. — Сядьте, барышня Веронезе.

Что я и проделала, победоносно глядя на притихших одноклассниц. Я знаю, что все они мне завидуют черной завистью, потому как не обладают даже малой толикой такой памяти, как у меня.

Это тоже мой талант. Я запоминаю все, не прилагая к тому никаких усилий. Я запоминаю цвета, запахи, речь, изображения, даже собственные сны я помню все до единого. Отец Эпистемон сказал, что Исцелитель наградил меня эйдетической памятью, а это большая редкость и может пригодиться мне в жизни, и в этом я опять-таки доверяю почтенному философу. Мне совсем необязательно слушать метрессу для того, чтобы точь-в-точь воспроизвести ее слова. Мало того, мне не нужно и понимать смысл этих слов, ибо вряд ли их понимает и сама метресса. Я даже иногда сочувствую бедным зубрилкам, они так стараются, и все впустую! Ах, как весело!

Я изобразила воплощенную скромность и склонилась над тетрадь, рисуя в ней технику плетения морского узла под названием «булинь». Метресса меж тем задала следующий вопрос:

— Барышни, кто из вас может привести пример пятистопного ямба?

Желающих не нашлось. Я улыбнулась ласковой змеей и подняла руку:

— Позвольте, метресса.

— Да, барышня Веронезе.

Я снова поднялась и сказала:

— Я прочту сонет монсеньора де Абеляра, сочиненного им на смерть своей возлюбленной Элоизы Монкальмон.

О, как печальны эти день и час,
Когда я провожал тебя в могилу!
И даже небо плакало уныло,
Когда любимый мною взор угас!
Когда на руки нежные твои
Лег смертный саван, навсегда скрывая,
То, что доселе знал я, уповая
На вечность и бессмертие любви!
Как я рыдал, утратой оглушенный,
Как воплем оглашал я свой приют,
Какие исторгал из сердца стоны!
Так только на похоронах поют,
Так создают бессмертные канцоны,
И за любимой в Небеса идут.

Я умею декламировать с интонацией драматической актрисы — одним из преимуществ пансиона является его библиотека, и я там прочла невероятное количество книг, среди коих имелось и руководство по мелодекламации. Я сочла нелишним обрести актерские способности — мне в будущем придется управлять каперским судном, так что сами понимаете. Конечно, там я вряд ли стану читать слезливые сонеты мужланам с саблями

и мушкетерами, но на всякий случай... Вон даже эти бестолковые пулярки смотрят на меня так, как будто я сошедший с небес Исцелитель.

— Вы делаете успехи, барышня Веронезе, — милостиво молвила метресса. — Садитесь. Продолжим, барышни. Как я уже говорила, сонет возник в Старой Литании и связан с именем великого Данте Алетьерри. Данте за свою недолгую, но чрезвычайно насыщенную жизнь создал тридцать венков сонетов — по одному на каждый год жизни. Венок сонетов — это архитектурно-формальная форма поэмы, состоящей из пятнадцати сонетов. Строится венок так: тематическим ключом является магистральный сонет...

— О... — тихо простонала госпожа Констанция Солано. Ах, бедняжка! Поэзия никогда не была ее сильной стороной.

— ...Иначе называемый магистрал, замыкающий собою поэму. Этот, пятнадцатый по счету, сонет пишется раньше других, в нем заключается замысел всего венка. Первый сонет начинается первой строкой магистрала и заканчивается второй его строкой, первый стих второго сонета повторяет последнюю строку первого сонета и заканчивается этот сонет третьей строкой магистрала. И так далее — до последнего, четырнадцатого сонета, который начинается последней строкой магистрала и кончается первой его строкой, замыкая собой кольцо строк. И если вы понимаете, о чем шла речь, то вы увидите, что магистральный сонет состоит из строк, последовательно прошедших через все четырнадцать сонетов... Да, барышня Пиколло, я слушаю ваш вопрос.

Барышня Пиколло — существо весьма занозистое. Похоже, она считает, что раз ей выпала удача стать незаконнорожденной дочкой младшего из герцогов дома Удольфини, так и она может задаваться. Я уже пару раз в воспитательных целях засовывала ей за ворот самолично пойманных в кладовой мышат, и со мной она

предпочитает не ссориться. Однако это никак не умаляет ее вопиющего нахальства и бестолковости.

— Метресса, — Бьянка Пиколло выглядела как благонаправная ученица, но я-то знала всех ее бесенят по именам и прозвищам. — Это правда, что одним из выпускных экзаменов будет письменный экзамен по составлению венка сонетов?

— Совершенно верно, — жизнерадостно кивнула метресса. — Именно ваши способности излагать свои мысли поэтическим образом смогут показать, насколько вы владеете изяществом языка. А строгая форма венка сонетов не позволит никаких вольностей.

— Это ужасно, — прошептала барышня Пиколло и закрыла лицо руками. Ей всегда был свойствен дешевый мелодраматизм.

— Мои дорогие барышни, — в голосе метрессы появилась мечтательность. — Поймите, вы получаете здесь образование для того, чтобы стать начитанными, искусными, благонравными компаньонками и наставницами для одиноких дам, девиц, а также детей из хороших семей. Именно поэтому вы обучаетесь не только высоким искусствам, но и ведению хозяйства — ведь будучи компаньонкой, вы станете правой рукой вашей госпожи.

— Но мы же выйдем когда-нибудь замуж? — голосок из середины парт звучал еле-еле.

По классу прокатился робкий смешок. Замужество — это самая желанная мечта и чаще всего возносимая Исцелителю молитва. Здесь все, кроме меня, хотят замуж. Быть всю жизнь нянькой, воспитательницей или компаньонкой при какой-нибудь сквалыжной вдове — это непередаваемый ужас. Как будто замужество — это рай земной.

Метресса улыбнулась:

— Тем более, дорогие мои! Когда жена умеет вышивать, писать стихи, петь и музицировать, ее супруг благодарит небеса за столь щедрый дар. Кроме того, вы обу-

чаетесь искусству ведения домашнего хозяйства, рисованию, лепке, хорошим манерам — всему тому, что сделает вашу жизнь разнообразной, яркой и нескудной...

О да, несомненно. На прошлой неделе я научилась делать оттиски ключей от келий самых занозистых монахинь аббатства. В кабинете химии, где нас обучают премудростям строения веществ, из коих Исцелитель создал наш мир, я давно знала, где стоят тигли и банки с самыми разными химическими соединениями. Кроме того, там лежали образцы различных металлов. Взяв за основу сплава олово (скраденные из трапезной оловянные ложки), медь (пояс из бляшек привратника Джулиаса, который бедняга ищет до сих пор) и некоторые дополнения, я выплавил с полдюжины ключей. Остается ждать ближайшего престольного праздника, когда сестры отправятся в церковь, и навестить их келейки. Наверняка там будет что-то интересное для моего пытливого ума.

Прозвенел колокольчик, возвещающий об окончании урока. Метресса милостиво поклонилась и выплыла из аудитории. Одноклассницы загудели, как растревоженный улей, я же достала из корзинки для завтраков уворованный с подноса поварихи сдобный пирожок с крыжовенным повидлом и позволила себе понаслаждаться жизнью. Пирожки — это та вещь, ради которой можно на время примириться с действительностью, я так считаю.

— Скажите, барышня Веронезе, — прозвучал голосок Цецилии Роспы, сущего черта в юбке, моей постоянной и неутомимой противницы. — Разве вы не знаете, что пироги портят фигуру? Если вы растолстеете еще больше, вы же не пролезете в двери аббатства!

— Благодарю вас за столь сердечную заботу о моем внешнем виде, — прочавкала я и улыбнулась, как, верно, улыбаются демоны в аду при виде нового грешника. — Мне понятна эта забота, ведь вы, обладая столь ужасным цветом лица, огромными утрями и короткими белесыми

ресницами, как у поросенка, несомненно, переживаете за тех, кто хоть чуть-чуть симпатичнее вас.

— Ах ты тварь! — взвизгнула Цецилия и уже вознамерилась вцепиться в мою прическу, как почувала острие моего кинжала у своего носа.

— Барышня Роспа, — я уже прожевала пирожок и была решительно настроена. — На уроках фехтования я — лучшая, а вы двигаетесь, как мешок с овсом. Хотите поединка — будет поединок. А еще раз полезете — завою, как Исцелитель свят.

Роспа отскочила, вспотев от страха.

— Я не устраиваю поединков с чернью! — прошипела она. — Держись от меня подальше, Люция!

— Того же и вам желаю, — я встала и молниеносно убрала кинжал в ножны, что прятала под форменным фартуком. Не всем пансионеркам разрешали носить оружие. Точнее, его не разрешали носить никому, но некоторым, особо родовитым, присылали семейные клинки. Я к родовитым не относилась, а мой клинок был украден в оружейной лавке городка Пьячетто, куда нас возили на конфирмацию. К причастию вместо меня подошла тихоня Филомена — дважды, за себя и за меня. Да простит ей Исцелитель сей грех, а мне — что я украла такой отличный клинок.

Однако дело плохо. Роспа донесет про клинок дежурной сестре, а то и аббатисе. Значит, клинок надо спрятать, да так, чтобы его не нашли в нашем дортуаре. Сейчас у нас урок музыки, его, пожалуй, можно прогулять без последствий. Отправлюсь-ка я на незапланированную прогулку.

Я выскользнула из аудитории, стремительно пронеслась по коридору и спустилась в холл. Там дежурили две сестры, облаченные в черные рясы и сонно крутящие четки. Но какими бы сонными они ни были, на меня они среагируют моментально, как хорошие гончие — на зайца.

И они среагировали.

— Дитя, зачем вы спустились в холл? — скрипучим голосом спросила одна.

— Разве вы не знаете, что во время перемен все пансионерки должны быть в рекреациях второго этажа?

Пришлось придумывать на ходу:

— Простите, сестры, — забормотала я, притворяясь девочкой-скромницей. — Мне очень надо в туалет, а на втором этаже все кабинки заняты. У меня живот прихватило.

— Бедняжка, но ведь на первом этаже туалеты только для менторов... И они запираются на ключ.

— Пожалуйста, — умиленно проныла я, обхватив живот руками. — Кажется, я отравилась чем-то... Тошнит...

Сестры на то и монахини, чтобы быть милосердными. Одна из них протянула мне ключ:

— Ступайте, да поскорее!

Я бросилась к туалетной комнате для преподавателей.

Отперев ее, я прежде всего огляделась. Первая неудача — здесь нет окон, значит, вылезти в окно и спрятать кинжал в саду или скриптории не получится. Но преимущество: на две ладони ниже потолка тянутся декоративные мраморные желоба. Возможно, там получится спрятать кинжал. Да только чтобы дотянуться до этого желоба, надо быть выше раза в три или иметь при себе стремянку.

Я вошла в кабинку. Не в поганую же дыру спускать мой кинжал!

А придется.

Тем более что я сумею раздобыть новый. Или, на худой конец, порыться в выгребной яме, ф-фу.

Я опустила кинжал в сливное отверстие. Он булькнул прощально, я дернула ручку слива, и вода шумно омыла широкий лоток ножного унитаза.

Я как раз мыла руки, поливая себе водой из фаянсового кувшина, когда услышала стук в дверь:

— Дитя, как вы?

— Сестра, я уже иду! — крикнула я и вышла из туалетной комнаты, картинно держась за живот.

— Ох, и пронесло же меня, — поделилась я с сестрой переживаниями.

Та поморщилась:

— Уже был звонок. Какой у вас сейчас урок?

— Музыка, сестра.

— У мэтра Маджорити?

— Да, сестра.

— Тогда поспешите.

Я поклонилась и помчалась наверх.

Мэтр Маджорити был чрезвычайно суровым старцем, не ценившим ничего, кроме качественного хорового пения. Когда я постучалась в класс, то услышала «Ми-соль-ми-до-ре», которым обычно распевался наш хор.

Дверь открылась. Мэтр Маджорити сурово воззрился на меня:

— Где вы гуляете, барышня Веронезе?

— Простите, мэтр, — я смиренно потупилась. — Я была в туалетной комнате.

Кто-то из хора сдавленно хихикнул.

— Извольте на место. И сообщите дежурной сестре, что я приказал вас оставить без сладкого в Исцелительный день.

Хихиканье стало более громким и мстительным. Аукнулся же мне пирожок с повидлом!

— Да, мэтр, — и я покорно встала на свое место в хоре.

Мэтр Маджорити постучал по пюпитру дирижерской палочкой и грозно изрек:

— Сегодня мы будем репетировать патриотическую кантату «Славься, Старая Литания!», ибо ваш класс станет петь ее в день приезда благотворителя нашего пансиона графа Лучизаре. Как вам известно, его сиятельство придет через три недели или через месяц. Госпожа Со-